

**Историко-лингвистический аспект
русско-французского двуязычия**
**Historical and linguistic aspects
of Russian-french bilingualism**

Статья посвящена краткому обзору языковых взаимоотношений Франции и России, которые берут свое начало еще в XVIII веке. Анализируются влияние и проникновение французского языка в систему русского на протяжении четырех веков. Обозначается пик заимствований, определяется сфера доминирования вкраплений в разный временной период, а также выявляется функциональная составляющая галлицизмов.

The article is dedicated to a brief review of linguistic relations between France and Russia which has its origins in the XVIII century. The impact and penetration of the French language in Russian are analyzed over a period of four centuries. The article concerns the loan's peak, the scope of foreign words' domination in different time periods as well as the Gallicisms functional component.

Ключевые слова: заимствование, галлицизм, галломания, славянофильство, западничество, иноязычное вкрапление.

Key words: loanword, Gallicism, gallomania, Slavophilism, westernism, foreign words.

История русско-французского двуязычия берет свое начало в XVIII веке, в эпоху возникновения русского национального языка. XVIII век считается исследователями эпохой непрекращающихся и интенсивных языковых контактов. Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова и Л. Л. Кутина в книге «Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века» пишут, что динамику языковых контактов обусловили изменения внешней культурно-исторической обстановки, внутреннее состояние русского языка, субъективно языковых факторов языковой истории [1, с. 6]. Однако на протяжении этого периода нет еще доминирующего языка: «языки-источники сменяют друг друга

на протяжении столетия» [6, с. 68]. Языками-источниками в ту пору были польский, латинский, немецкий, голландский, итальянский и французский языки. Именно эти языки пополняют инвентарь русского национально-литературного языка: из голландского и итальянского языков заимствуется профессиональная лексика, например, голландские заимствования: *гавань, рейд, фарватер, киль, шкипер, руль, рея, шлюпка, койка, верфь, док, кабель, каюта, рейс, трап, катер* и т.п.; из итальянского - *батырщик*, накладчик краски на литеры – от *battitore*; *пунсон*, резанная на стали буква для выбивания из меди матриц – от *punzone*; *штанба*, книгопечатный станок – от *stampa* и т. п. Из немецкого, польского, латинского языков заимствуется общественно-бытовая лексика: из немецкого: *позумент*, *мум* (пиво), *мантель* (плащ), *гезель* (помощник, товарищ), *галстук* и др.; из польского и из латинского вместо венец, решение, воевода, снаряд, крепость, запас, припас используются: *корона, резолюция, генерал, артиллерия, фортеция, провиант* и т. д. [4, с. 62–83].

Повседневная речь пополняется также французскими словами: *артизан* (ремесленник), *креп* (род ткани), *ливр* (книга), *марьяж* (свадьба), *пардон* (первоначально «отпущение казни достойному смерти»), *политес* (вежливость), *резон* (причина), *увраж* (труд), *фермите* (стойкость), *экипаж* и др. Вследствие растущего пристрастия к иностранным словам, которыми заменяются привычные русские слова, возникают новые фразеологические комбинации, по словам В. В. Виноградова «новые формы «европейской» фразеологии»: *баланс* (равновесие) *в Европе содержать, во всех своих делах сколько фермите* (стойкости) *и твердости показал* [4, с. 67].

Уже к концу XVIII века французский язык прочно занимает свою нишу. «Французский язык становится официальным языком придворно-аристократических кругов, языком светских дворянских салонов» [3, с. 46]. Ориентирование на французский язык привело не только к распространению французского языка в высшем обществе, но и к образованию разговорных стилей «светского» дворянского языка на русско-французской основе. Вместе с французским языком заимствуется «манерная экспрессия, жеманная светская любезность, салонное витийство» [5, с. 213].

Литературные произведения XVIII века ярко отражают «смешение» двух языков. Языковая и бытовая галломания становится объ-

ектом сатиры в русских комедиях XVIII века. Как отмечает Л. А. Летаева, французские заимствования часто звучат в речи, так называемых «щеголей» и «щеголих», образы которых характеризуются широким социальным охватом от высших аристократических кругов до лакеев. Функции галлицизмов в текстах конца XVIII разнообразны: придание экспрессивности тексту, речевая характеристика персонажей, стремление к изящному слогу, заполнение отсутствующих реалий или понятий в русском языке и т. д. [8, с. 12–16].

Проникновение французской лексики в среду русского языка и культуры происходит стремительно. К началу XIX века на французском языке говорят не только представители высшего общества, но и офицеры, чиновники, помещики, женщины, это находит отражение в художественных произведениях того времени. В своей статье «Французская традиция в российском культурном пространстве» Н. А. Колосова сообщает, что русские писатели XIX века активно используют в своем языке французские слова, фразеологические выражения, отдельные фразы и фрагменты текста выполняют как коммуникативные, так и стилеобразующие функции. Процесс ориентации русского общества на французский язык превратился в галломанию [6, с. 70].

Возникают течения как противников доминирования французского языка – славянофильство, так и противников старой книжной традиции – сторонников «нового слога русского языка» – западничество. Ярким представителем первого течения является А. С. Шишков, а второго – Н. М. Карамзин.

Западники приветствовали изменения в синтаксисе и фразеологии русского языка. Благодаря реформе Н. М. Карамзина из литературного словаря исключается большая часть слов ученого языка, относящихся к церковнославянизмам, накладывается запрет на провинциализмы и на фамильярно-просторечные или простонародные слова.

В. В. Виноградов в монографии «Язык Пушкина» приводит цитаты известного борца за чистоту языка А. С. Шишкова: «От (...) безумного прилепления нашего к французскому языку, мы, думая просвещаться, час от часу впадаем в большее невежество и, забывая природный язык свой или по крайней мере отвыкая от одного, приучаем понятие свое к их выражениям и слогу» [5, с. 260]. Славя-

нофилы протестовали против заимствования иноязычных лексем, таких как *сцена, гармония, акция, энтузиазм, катастрофа* и т. д., считая, что французский язык, снабжая русский язык готовой системой слов и понятий, своими «механическими формами», парализует русское национально-языковое творчество.

Многообразная картина функционирования французского языка на территории России в первой трети XIX века представлена в творчестве А. С. Пушкина. С одной стороны, А. С. Пушкин понимал необходимость использования французских слов и выражений:

Но *панталоны, фрак, жилет*
Всех этих слов на русском нет;
А вижу я, винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо б меньше мог
Иноплеменными словами [12, с. 196].

Поэт считал правомерными те идиомы, которые уже вошли в язык путем перевода с французского языка: *porter l’empreinte* – носить отпечаток, *au fleur du jour* – во цвете лет, *jeter les ombres sur quelque chose* – бросить тень, *mener loin* – завести далеко (переносное значение) [9, с. 86].

С другой стороны, А. С. Пушкин был против излишества иностранной речи в русском языке, поэтому он извиняется перед читателями за Татьяну за ее незнание русского языка:

«Еще предвижу затрудненья:
Родной земли спасая честь,
Я должен буду без сомненья,
Письмо Татьяны перевесть» [12, с. 233].

Исследователи литературно-языковых взглядов шишковцев и карамзинистов считают, что в вопросе о заимствованиях, который был тесно связан с проблемой чистоты литературного языка, позицию шишковцев нельзя однозначно интерпретировать как консервативную, а позицию карамзинистов – как прогрессивную. Согласно традиционной точке зрения, славянофилы были ярыми пуристами, выступая против всех заимствований, в особенности против галлицизмов; западники считали, что в некоторых случаях заимствования совершенно необходимы, но в то же время были против злоупотребления иностранными словами. Как отмечает П. А. Семенов,

многим карамзинистам был характерен пуризм и консерватизм в вопросе о заимствованиях. С другой стороны, исследователи неоднократно обращали внимание на галлицизмы, особенно синтаксические, в произведениях А. С. Шишкова, который на словах так страстно боролся против заимствований из французского языка [13, с. 96]. Совершенно очевидно, что теоретические декларации шишковцев отличались от их речевого поведения. Отказаться от использования французского языка было не просто, так как он основательно проник в русскую речевую культуру.

Русский литературный язык конца XVIII–XIX вв. располагал большим количеством иноязычных фразеологических единиц. Французские слова и выражения можно было обнаружить и в оригинальных русских текстах (мемуарах, дневниках, письмах и художественных произведениях). Включение русскими писателями иноязычной лексики в тексты художественных произведений было явлением, свойственным всему литературно-письменному языку XIX века.

Такие писатели, как И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, считавшие неприемлемым использование иностранного языка при написании художественных произведений, не могли не употреблять французский язык в своих романах. Несмотря на то, что И. С. Тургенев писал «Я никогда ни одной строки в жизни не напечатал, кроме как на русском языке; в противном случае, я был бы не художник, а просто – дрянь. Как это возможно писать на чужом языке – когда и на своем-то на родном едва можешь сладить с образами, с мыслями и т.д.!» [цит. по: 14, с. 170–171], в двух его известных романах «Накануне» и «Отцы и дети» нами было выявлено 15 французских выражений и три фразы на французском языке. Речь представителей дворянства конца XIX века вынуждает автора пропустить столь нелюбимую им иноязычную лексику.

Согласно И. А. Паперно, исследовавшего особенности двуязычной переписки XIX века, в быту аристократии французский язык являлся прежде всего особенностью общения с женщинами, нежели в отношениях между мужчинами, которые хотя бы по условиям службы, гражданской и военной, должны были относительно свободно владеть некоторыми видами письменной и устной русской речи. Французский язык, обладая тонко разработанной системой

средств выражения, стал этикетным языком общения, одним из основных компонентов женского образования, неотъемлемой частью духовной жизни русской женщины, средством приобщения её к европейской культуре [11, с. 148]. Описывая представителей дворянского сословия, таких, как Анна Васильевна, Николай Артемьевич, Павел Петрович, И. С. Тургенев не мог отразить их речь без французского языка, настолько прочно он укрепился в сознании аристократии XIX века.

Однако не все писатели XIX века противились использованию французских слов и выражений. Так, Л. Н. Толстой, пытаясь отобразить проникновение французского языка в разные слои общества, в своих произведениях с точностью исследователя передает язык русского дворянства. Часто франкоязычные фрагменты представляют собой распространённые “ходовые” фразы, пословицы, поговорки: *C'est bien beau ce que vous venez de dire; Cousinage dangereux voisinage; Les mariages se font dans les cieux*. Французские элементы в виде отдельных фразеологических единиц или простых предложений формируют образования, которые становятся характерной чертой русской разговорной речи этого периода: «*и в моей жизни tout n'est pas rose*¹», «*разве я не вижу, что du train que nous allons*², нашего состояния нам хватит ненадолго...» [6, с. 73].

К концу XIX века французский язык и французская культура пронизывает литературные произведения этой эпохи. Многочисленные формы французского языка (в основном это касается лексики) ассимилируются, входят в повседневную речь представителей самых демократических слоев российского общества. Подтверждения этому зафиксированы в творчестве А. П. Чехова, предоставляющем богатейший материал лингво- и социокультурного характера: *Beau monde, comme il faut, fin de siècle, jamais de ma vie, mille compliments, parole d'honneur, tout comprendre, tout pardonner*. Интересен тот факт, что в произведениях А. П. Чехова часто используются транслитерированные выражения французского языка: *аливрувер, антрну-суади, боку мерси, гранд мерси, оревуар, ву компрене?, Медам! Силянс!*, и т. д. Писатель, таким образом, подчеркивает, что французский язык теряет исключительность своего употребления выс-

¹ Не все прекрасно (перевод автора статьи).

² Тот образ жизни, который мы ведем (перевод автора статьи).

шими слоями общества и становится способом создания «аристократичного» образа, такого же пустого как и неправильное произношение французских выражений на русский манер.

К концу XIX – началу XX века, как пишет Н. А. Колосова, французский язык рассеян по огромному культурному пространству России, занимая прочное положение в лингвистическом сознании россиян, свидетельством чему становятся многочисленные мемуары, произведения писателей этой эпохи, от Горького до Тэффи. Причем французские слова и выражения встречаются в произведениях писателей и поэтов всех направлений и стилистических тенденций [6, с. 76].

В советское время в художественных текстах французские высказывания встречаются реже, по сравнению с XIX веком. Как отмечают ученые, в 20-ые годы наметилась тенденция к уменьшению объема иноязычных вкраплений. О. Н. Олейникова пишет, что общее количество иноязычных вкраплений 30-х годов заметно меньше, чем в художественной литературе 20-х годов [10, с. 11]. Однако потребность во французских заимствованиях остается. Так, в начале XX века использование иноязычных устойчивых выражений обнаруживает либо цель говорящего быть похожим на дворянина (Аметистов из пьесы Булгакова «Зойкина квартира»), либо желание украсить свою речь, сделать ее более изысканной и тем самым привлечь внимание окружающих к собственной персоне, выделиться среди «толпы» (Остап Бендер в произведениях И. Ильфа и Е. Петрова), либо же просто свидетельствует о необходимости использовать иноязычные вкрапления для отражения той конкретной ситуации, в которой оказались участники общения (урок французского языка в романе Л. Кассиля «Кондуит и Швамбрания») и т. д.

Во второй половине XX века, как свидетельствует Н. А. Колосова, обозначение предметов на французском языке порой является показателем изысканности, эlegantности, «знаком качества», французский язык по-прежнему предстает как язык культуры и искусства и что для языкового сознания постсоветской эпохи важно органическое включение французского языка в процесс интерлингвокультурного общения [6, с. 80–81].

Распад Советского Союза активизировал деловые, научные, торговые, культурные связи, спровоцировав рост иноязычной лекси-

ки в русском языке. Однако в конце XX века для русской культуры характерен процесс проникновения инокультурных слов и выражений из английского языка. Л. П. Крысин в статье «Русский литературный язык на рубеже веков» отмечает, что вместе с профессиональной лексикой из английского языка заимствуются слова и выражения обыденной жизни: *виндсерфинг, плей-офф, имидж, брокер, ваучер, спонсор, шоу, шоу-бизнес* и т. д. [7, с. 37]. Несмотря на относительную немногочисленность галлицизмов по сравнению с англицизмами, французские лексемы сохраняют прагматику престижности. Такие слова и выражения как *бутик, прет-а-порте, от-кутюр, сомелье, бомонд, моветон, дефиле, фуршет* часто употребляются носителями русского языка и считаются «модными» словами, т.е. «современными словами, которые являются знаком осведомленности в тех сферах, которые необходимы человеку высокого социального статуса» [2, с. 13]. Необходимо отметить, что именно из французского языка заимствованы слова, характеризующие высший свет: *элита (élite), богема (bohème), бомонд (beau monde)*.

Французские заимствования, реализуясь в языке, соотносятся с ментальными стереотипами в сознании носителя русского языка. Восприятие русскими Франции, французской культуры, французского языка сохраняет ореол красоты, романтики и престижности, что находит свое отражение в использовании французского языка на протяжении уже 4-х веков.

Список литературы

1. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования. – Л.: Наука, 1972. – 432 с.
2. Бурова Э.А. Лексические галлицизмы в современном русском языке: прагмалингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Э. А. Бурова. – Ростов н/Д: Рост. гос. ун-т., 2004. – 26 с.
3. Виноградов В.В. История русского литературного языка. – М.: Наука, 1978. – 319 с.
4. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков: учеб. для студ. филол. фак. ун-тов. – 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1982. – 529 с.
5. Виноградов В.В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. – М.: Наука, 2000. – 590 с.

6. Колосова Н.А. Французская традиция в российском культурном пространстве // Спецкурсы по романской филологии: сб. учеб.-метод. материалов кафедры романской филологии / под ред. В.Т. Клокова. – Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 2003. – Вып.2. – С. 67–84.
7. Крысин Л.П. Русский литературный язык на рубеже веков // Культура речи, 2000. – № 1. – С. 30–41.
8. Летаева Л.А. Галлицизмы в русской комедии и частной переписке 2-й пол. XVIII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. / Л. А. Летаева. – Тюмень: Тюмен. гос. ун-т., 1997. – 19 с.
9. Макшанцева Н.В. Пушкинские принципы заимствования «иноплеменных слов» (к проблеме «своего» и «чужого» в культуре и языке) // Французский язык и культура Франции в России XXI века: материалы междунар. науч.-практ. конф. / редкол. З.И. Кирнозе. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2004. – С. 84–87.
10. Олейникова О.Н. Иноязычные вкрапления в русской литературной речи советской эпохи (с 1917 по 1940 год): автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19 / О. Н. Олейникова. – Воронеж: Воронежск. гос. ун-т, 1992. – 18 с.
11. Паперно И.А. О двуязычной переписке пушкинской эпохи // Труды по русской и славянской филологии: ученые записки Тарт-ого ун-та / отв. ред. Б.М. Гаспаров. – Тарту: изд-во Тарт-го ун-та, 1975. – Вып. XXIV. – С. 148–156.
12. Пушкин А.С. Евгений Онегин // Сочинения в 3-х томах. – М.: Худож. лит., 1986. – Т. 2. – С. 186–354.
13. Семенов П.А. Литературно-языковые взгляды шишковцев и карамзинистов в контексте пушкинских воззрений на русский литературный язык и закономерности его развития // Вестник Новгородского государственного университета. – Новгород: НГУ, 2000. – № 15. – С. 94–99.
14. Федоров А.В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. – М.: Высшая школа, 1971. – 194 с.